

На правах рукописи

Заболотный Евгений Анатольевич

**ИСТОРИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗДЕЛЕНИЯ СИРИЙСКОГО
ХРИСТИАНСТВА И РАЗВИТИЕ ХРИСТОЛОГИИ В IV–VIII ВЕКАХ**

раздел 07.00.00. — исторические науки
специальность 07.00.03 — всеобщая история (Средние века)

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Москва 2017

Работа выполнена на кафедре истории Церкви исторического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»

**Научный
руководитель:**

Кузенков Павел Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Церкви исторического факультета ФГБОУ ВО «МГУ имени М. В. Ломоносова»

**Официальные
оппоненты:**

Мещерская Елена Никитична, доктор исторических наук, профессор кафедры библеистики филологического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

Муравьев Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт востоковедения Российской Академии наук»

Защита состоится « » 2017 года в часов на заседании Диссертационного совета Д. 501.002.12 на базе Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова по адресу: 119992, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ, ауд. А-416.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова по адресу: 119992, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, а также на официальном сайте исторического факультета: <http://www.hist.msu.ru/Science/Disser/Zabolotniy.htm>

Автореферат разослан « »

2017 года

Ученый секретарь Диссертационного совета
кандидат исторических наук,
доцент

Т. В. Никитина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено одному из принципиально важных вопросов, связанных с историей Церкви сирийской традиции, — процессу отделения восточных сирийцев-«несториан», принадлежавших к Церкви Востока, от версии христианства, исповедовавшейся в Восточной Римской империи (Византии). В результате христологических споров, связанных с несколькими Вселенскими Соборами (Эфесским (431), Халкидонским (451) и II Константинопольским (553)), некогда единая сирийская христианская традиция раскололась на три ветви: дохалкидонитов (восточных сирийцев, «несториан»), исповедовавших, как традиционно считается, две природы, две ипостаси и одно лицо во Христе, православных, т. е. сторонников IV Вселенского Собора в Халкидоне (мелькитов, от сирийского *malkāyē*, царские), учивших о двух природах, одной ипостаси и одном лице, и антихалкидонитов, т. е. западных сирийцев-«монофиситов» (от греческого *μία φύσις*, одна природа), учивших об одной сложной природе, одной ипостаси и одном лице. «Монофиситы» принадлежали к Сирийской Ортодоксальной, или Сирийской яковитской Церкви, появившейся в Византийской империи, однако в сер. VI — нач. VII в. широко распространившейся и на территории сасанидского Ирана. При этом наиболее многочисленной христианской общиной в державе Сасанидов в данный период продолжала оставаться «несторианская» Церковь Востока, ныне именуемая Ассирийской Церковью Востока.

Несмотря на то что подлинная картина вероучительного развития Христианского Востока вне «имперского» христианства весьма сложна, в рамках церковно-исторической науки представление о конфессиональном разделении «неправославной» части сирийской традиции на «несториан», придерживавшихся учения Антиохийской богословской школы, и «монофиситов», которые были сторонниками александрийской христологии, стало традиционным¹. В тексте диссертации мы используем понятие «монофиситы» именно в традиционном смысле, прилагая его как к лицам, осужденным на IV Вселенском Соборе, так и к богословам, следовавшим учению

¹ В русскоязычной литературе также весьма распространен другой вариант написания — «монофизитство». Ряд современных исследователей различают «монофизитство» и «миафизитство» как две разные формы александрийского богословия, однако мы не считаем подобное различие удачным.

Севира († 538), патриарха Антиохийского в 512–518 гг., который являлся сторонником александрийской христологии в более умеренной форме. Тем не менее мы признаем условный характер данного термина². Что же касается Церкви Востока, которой в диссертационном исследовании будет уделено основное внимание, то ее вероучение длительное время отождествлялось с христологией Нестория († ок. 451), архиепископа Константинопольского в 428–431 гг., осужденного на III Вселенском Соборе в Эфесе. В данной работе понятия «несторианская Церковь», «несторианство», «несториане» и т. п., употребляются в кавычках, если речь идет богословии тех восточносирийских авторов, которые, следуя христологии Антиохийской школы, к которой принадлежал Несторий, не исповедовали, однако, его христологическую формулу.

Актуальность темы исследования заключается в том, что ее рассмотрение вносит вклад в решение ряда сложных проблем, лежащих на стыке истории Церкви, византистики и синологии, прежде всего проблемы взаимосвязи христологии Антиохийской богословской школы и восточносирийской «несторианской» традиции, а также вопроса о причинах обособления Церкви Востока от «имперского» христианства. Хотя смежные темы уже становились предметом изучения не только в рамках синологических штудий, но и в рамках византистики, общей церковной истории, патрологии и истории вероучения, в историографии далеко не всегда можно обнаружить адекватные ответы на принципиально важные вопросы, связанные с развитием христологии грекоязычной Антиохийской школы и с ее усвоением Церковью Востока, вероучение которой традиционно отождествляется с «несторианством». Среди исследователей до сих пор отсутствует консенсус относительно правомерности использования термина «несторианство» даже по отношению к тем авторам, которые несомненно использовали христологическую формулу Нестория. До конца не изучены причины обособления Церкви Востока от «имперского» христианства, а само развитие сирийской традиции рассматривается изолированно от эволюции византийского богословия.

Подобная ситуация не в последнюю очередь связана с тем, что достижения византиноведения в области истории древневосточных Церквей остаются, как правило,

² См.: Грацианский М. В. Миссионерские предприятия 40-х гг. VI в. в контексте церковной политики императора Юстиниана // KANISKION: Юбилейный сборник в честь 60-летия профессора И. С. Чичурова / Отв. ред.: М. В. Грацианский, П. В. Кузенков. М., 2006. С. 57.

вне поля зрения специалистов по сириологии. С другой стороны, богатые материалы сирийских источников, имеющих отношение к Церкви Востока, пока не стали предметом изучения византинистов. Комплексное рассмотрение греческих и латинских источников, с одной стороны, и сирийских — с другой, осуществленное в рамках диссертации, может открыть значительные исследовательские перспективы в деле изучения сирийской христианской традиции.

Объект и предмет исследования. *Объектом* диссертационного исследования является не вероучение как таковое, а догматический аспект истории Церкви Востока, доктрина которой отделилась от версии христианства, официально принятой в Византии. *Предмет* исследования — христологическая система, созданная этноконфессиональной общностью восточных сирийцев и включавшая архаичное богословие IV в. и развитое учение V–VIII вв.

Следует пояснить, что под ранней сирийской традицией мы понимаем не только учение персидского богослова Афраата († после 345), но и богословие прп. Ефрема Сирина († 373) и Кириллоны (кон. IV — нач. V в.), которые жили на территории Восточной Римской империи и формально не принадлежали к Церкви Востока, поскольку труды всех указанных выше авторов определяли магистральное направление развития христологии восточных сирийцев вплоть до V в., когда началась рецепция Церковью Востока богословских систем «греческих учителей». К числу последних относятся крупнейшие представители Антиохийской школы: Диодор († до 394), епископ Тарса (ныне Тарсус, Турция), Феодор († 428), епископ Мопсуестии (ныне Якапынар, Турция), и Несторий. Развитая доктрина Церкви Востока (сер. V — VII в.) была основана на двух масштабных синтезах ранней традиции и антиохийского богословия, осуществленных соответственно Нарсаем (ок. 399 — после 502) и Бавваем Великим (между 551 и 553 — между 628 и 630). Хотя ранняя традиция не отрицалась полностью, с этого момента она стала в Церкви Персии маргинальной. Наконец, в настоящей работе будут кратко рассмотрен и период, непосредственно примыкающий ко времени интенсивного формирования вероучения Церкви Востока (вплоть до 1-й пол. VIII в.). Что касается сирийских мелькитов, то их оригинальная христология является предметом, заслуживающим отдельного рассмотрения, и не будет подробно анализироваться в диссертации. Мы также выносим за рамки систематического рассмотрения «монофиситское» богословие, которое западные сирийцы начали усваивать достаточно поздно — в период активной деятельности Филоксена (Аксенаи) (†

ок. 522), епископа Иерапольского (Маббугского), и Иакова, епископа Саругского († 521). Тем не менее некоторые частные вопросы, связанные с «монофиситами» и отношением к ним византийских императоров, все же рассматриваются в диссертационном исследовании (в тех случаях, когда это связано с вероучительным развитием восточносирийской традиции).

Цель и задачи. *Целью* диссертации является определение соотношения между восточносирийской христологической традицией IV–VIII вв. и крайней формой учения грекоязычной Антиохийской школы — христологией двух ипостасей, которой придерживался Несторий. На развитие восточносирийской и антиохийской богословских традиций повлиял ряд факторов, с изучением каждого из них связаны следующие задачи диссертационного исследования:

1) установить основные положения ранней сирийской христологической традиции, содержащиеся в произведениях Афрата, прп. Ефрема Сирина и Кириллоны;

2) определить факторы, повлиявшие на усвоение Восточносирийской Церковью учения Феодора Мопсуестийского (поскольку рецепции богословских взглядов Феодора предшествовал перевод с греческого языка на сирийский его комментариев на различные книги Священного Писания, особое внимание при изучении данной проблемы следует уделить экзегетическим методам, которые использовались толкователями сироязычных богословских школ Эдессы (сир. Урхай; ныне Шанлыурфа, Турция) и Нисибина (ныне Нусайбин, Турция));

3) дать оригинальную интерпретацию исторического развития антиохийской христологии от учения Диодора Тарсийского о двух природах Христа, объединенных общим поклонением, до формулы Нестория, предполагавшей исповедание во Христе двух природ, двух ипостасей и одного лица, а также ответить на вопрос об истоках этой христологии;

4) исследовать вопрос о возможном типологическом сходстве христологических формул Феодора Мопсуестийского и Севира Антиохийского;

5) установить основные положения богословского синтеза ранней сирийской традиции и «феодорианской» христологии, автором которого был Нарсай;

6) изучить синтез восточносирийской традиции и учения Нестория, осуществленный Бавваем Великим, а также точно определить период, когда линия Баввая победила в Церкви Востока;

7) рассмотреть основные положения вероучительных текстов, принятых на Соборах Церкви Персии V — нач. VII в., как отражение полемики с богословскими произведениями византийских императоров, прежде всего с «Энотиконом» («Объединительным посланием») Зинона (474–475, 476–491) и догматическими сочинениями Юстиниана I (527–565), а также с постановлениями Вселенских Соборов (в этом контексте особенно важно установить степень влияния церковной политики императора Юстиниана, в т. ч. осуждения Трех Глав³, на усвоение Церковью Востока христологии двух ипостасей);

8) показать значение для изучаемой темы богословского собеседования с представителями Церкви Востока, которое было организовано Юстинианом в Константинополе в 562/3 г., впервые дав развернутый богословский и исторический анализ записи этого собеседования, сохранившейся на сирийском языке;

9) рассмотреть традицию полемики восточносирийских авторов с неохалкидонским богословием⁴ Юстиниана вплоть до Собора Церкви Востока 612 г.;

10) установить основные христологические направления, сосуществовавшие в Церкви Востока в V — нач. VII в.;

11) дать общий обзор христологии поздней восточносирийской традиции, представленной произведениями Исаака Сирина (не ранее сер. VII — не позднее 1-й пол. VIII в.), епископа Ниневийского, который почитается в Православной Церкви в числе преподобных отцов.

Хронологические рамки исследования. Решение поставленных задач делает необходимым соотнести нижнюю границу исследования с 1-й пол. IV в., т. е. со временем литературной деятельности Афраата, благодаря которому начинается фор-

³ Ок. 544 г. Юстиниан издал эдикт (*Clavis Patrum Graecorum* / Ed. M. Geerard. Turnhout, 1974–1987 [далее — CPG]. Vol. 3: A Cyrillo Alexandrino ad Iohannem Damascenum. N 6881), который осуждал личность и творения Феодора, епископа Мопсуестийского, сочинения блж. Феодорита, епископа Кирского († 457), написанные им против свт. Кирилла, архиепископа Александрийского († 444) и Эфесского Вселенского Собора, а также письмо Ивы, епископа Эдесского († 457), к Мару Персу.

⁴ «Неохалкидонское богословие», «неохалкидонизм» — термины, используемые исследователями для обозначения синтеза христологии Халкидонского Собора и терминологии свт. Кирилла Александрийского (ссылки на литературу см: *Grillmeier A. Jesus der Christus im Glauben der Kirche* / Mitarb. T. Hainthaler. Freiburg im Breisgau; Basel; Wien, 1989. Bd. 2/2: Die Kirche von Konstantinopel im 6. Jahrhundert. S. 450–459).

мирование основ восточносирийской христологической традиции, продолжавшееся вплоть до смерти Баввая Великого (между 628 и 630). Однако мы не можем игнорировать и дальнейшие пути развития этой традиции, что делает необходимым краткое рассмотрение христологии прп. Исаака Сирина. Таким образом, в качестве верхней границы исследования определен период, к которому исследователи относят смерть Исаака (не позднее 1-я пол. VIII в.).

Методологическая основа исследования. В работе анализируется материал, который обычно рассматривается в рамках разных дисциплин: истории, филологии, философии. Только такой *мультидисциплинарный подход* может адекватно отразить ту многообразную действительность, с которой связана тема диссертации. Прежде всего, мы используем традиционные методы исторического исследования: *историко-сравнительный, историко-генетический и историко-типологический*.

Методологической особенностью диссертации является также *исследование ключевых терминов*, для чего применяются *филологические способы анализа* (а также *лингвистические*, в рамках которых необходимо обращать внимание на *семантику богословских терминов*, встречающихся в источниках). Рассмотрение вопроса об употреблении определенным автором тех или иных терминов позволяет прояснить его доктринальную позицию. Необходимо поместить основные термины в соответствующий исторический контекст, поскольку только таким способом можно прийти к обоснованным выводам. С этой целью мы используем в данной работе специальную справочную литературу (контекстные словари греческого и сирийского языков). Прежде чем перейти к собственно исследовательской работе по анализу христологии Церкви Востока, автор счел необходимым для обеспечения текстологической надежности проводимого анализа рассматриваемых сирийских источников приводить в переводе на русский язык разночтения, имеющиеся в рукописях и указанные в критическом издании (за исключением тех случаев, когда данное произведение не издано критически), если эти разночтения сохраняли смысл при переводе. Подготовленные нами и содержащиеся в Приложении русские переводы с сирийского, греческого и латинского языков являются, т. о., необходимым дополнением к диссертации, которая без него не имела бы своего фундамента. Наконец, важной стадией изучения первоисточников является их герменевтическое прочтение, которое основано на методологи-

ческих подходах, предложенных в частности Хансом Георгом Гадамером (1900–2002)⁵.

Источниковая база исследования. Источники, привлеченные для раскрытия темы, можно разделить на десять групп:

I. Библейские:

— Ветхий Завет в еврейской (масоретской) и в греческой (Септуагинта) версиях⁶;

— Ветхий и Новый Завет в сирийской версии (Пешитта)⁷;

— греческий Новый Завет⁸;

— латинский перевод Ветхого и Нового Завета (Вульгата)⁹.

Поскольку в рассматриваемых нами источниках Ветхий Завет цитируется в греческом, сирийском или латинском переводах, а Новый Завет — либо на языке оригинала, либо на основе Пешитты и Вульгаты, библейские цитаты и аллюзии мы сверяем с соответствующими версиями библейского текста.

II. Апокрифические:

Хотя иудейские и христианские апокрифические тексты не являются основным предметом рассмотрения в настоящей работе, из анализ необходим при изучении двух важных для нас тем: типологической экзегетики и распространения христианства на территории Сирии соответственно. Особенно следует отметить здесь «Учение апостола Аддая», которое является примером апокрифических деяний апостолов и развивает идею о христианизации Эдессы при царе Авгаре V бар Ману Уккаме (4 г. до н. э. — 7 г. н. э., 13–50 гг. н. э.), что несомненно является анахронизмом. Тем не

⁵ *Gadamer H.-G. Gesammelte Werke. Tübingen, 1985–1995. Bd. 1: Hermeneutik I. Wahrheit und Methode: Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik* (рус. пер.: *Гадамер Х. Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики* / Общ. ред.: Б. Н. Бессонов. М., 1988).

⁶ *Biblia Hebraica Stuttgartensia* / Ed. K. Elliger, W. Rudolph. Stuttgart, 1966–1977; *Septuaginta, id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes* / Ed. A. Rahlfs, R. Hanhart. Stuttgart, 2006².

⁷ *The Old Testament in Syriac according to the Peshitta Version. Leiden, 1972–[1998]. Partes 1–[5]; Comparative Edition of the Syriac Gospels: Aligning the Sinaiticus, Curetonians, Peshitta and Harklean Versions* / Ed. G. A. Kiraz. Leiden etc., 1996. 4 vol.; *Das Neue Testament in syrischer Überlieferung* / Hrsg. B. Aland, A. Juckel. Berlin; New York, 1986–[2002]. Bd. 1–[2] in 4 Tl. (*Arbeiten zur neutestamentlichen Textforschung*; 7, 14, 23, 32).

⁸ *The Greek New Testament* / Ed. B. Aland, K. Aland. Stuttgart, 2000⁴.

⁹ *Biblia Sacra Vulgata* / Ed. R. Weber, R. Gryson. Stuttgart, 2007⁵.

менее в основной части работы, после критического рассмотрения «Учений» и его сопоставления с данными других источников, будет показано, что источник содержит некоторую информацию о реальных исторических событиях, датируемых, однако, рубежом II–III вв.

III. Памятники раввинистического иудаизма:

- Вавилонский Талмуд (Талмуд Бавли);
- Великий мидраш: Бытие (Берешит раба).

Эти тексты являются источниками, необходимыми для сопоставления основных принципов иудейской и христианской экзегетики, в т. ч. когда речь идет о попытках обнаружить истоки типологического подхода к толкованию, активно использовавшегося христианами авторами.

IV. Христианские экзегетические сочинения:

- Толкования Оригена на Евангелие от Луки и Евангелие от Иоанна, не позднее сер. III в.;
- прозаические Толкования прп. Ефрема Сирина на книги Бытие и Исход, IV в.¹⁰;
- «Толкование на псалмы» Диодора Тарсийского, сер. IV в.¹¹;
- «Толкование на псалмы»¹² и фрагменты «Толкования на Евангелие от Иоанна» и «Толкования на послание апостола Павла к Римлянам» Феодора Мопсуестийского, нач. 70-х гг. IV — нач. V в.;
- «Толкование на Евангелие от Матфея» блж. Иеронима Стридонского, 398 г.;
- «Толкование на псалмы» свт. Кирилла Александрийского, 1-я пол. V в.;
- «Толкование на псалмы» Феодорита Кирского, до 457 г.

Указанные сочинения будут изучаться как на предмет содержания в ряде из них черт типологической экзегетики (прежде всего толкования Ефрема Сирина, которые

¹⁰ Biesen K., *den.* Bibliography of Ephrem the Syrian. Giove in Umbria, 2002. N 121, 123 [далее — Biesen. 2002]; изд. и лат. пер.: *Ephraemi Syri In Genesim et in Exodum Commentarii* / Ed., trad. R.-V. Tonneau. Lovanii, 1955. (Corpus scriptorum christianorum orientalium; 152–153. Scriptores Syri; 71–72).

¹¹ CPG, N 3818; изд.: *Diodori Tarsensis Commentarii in Psalmos I–L* / Ed. J.-M. Olivier. Turnhout, 1980. (Corpus Christianorum. Series Graeca; 6).

¹² CPG, N 3833; изд.: *Le commentaire de Théodore de Mopsueste sur les psaumes* / Éd. R. Devreesse. Città del Vaticano, 1939. (Studi e testi; 93).

рассмотрены с точки зрения употребления «пророком сирийцев» основных экзегетических терминов, характерных для типологического прочтения Священного Писания, — «прообраз / образ» и «тайна / таинство»), так и на предмет развития христологического учения. Уникальными источниками в данном контексте являются «Толкование на псалмы» Диодора Тарсийского, сохранившееся на языке оригинала, и аналогичное «Толкование» Феодора Мопсуестийского, дошедшее до нас в латинском переводе. Их сопоставление позволит нам не только проследить эволюцию антиохийской христологии в IV — нач. V в., но и сравнить экзегетические решения «антиохийцев» Диодора и Феодора, с одной стороны, и их противников из Александрийской школы — с другой.

V. Богословские, апологетические и гомилетические.

Рассмотрим здесь наиболее важные для диссертационного исследования источники, которые позволят нам раскрыть основные христологические темы, затрагивавшие сирийскими авторами.

В двух рукописях V и VI вв. (Brit. Lib. Add. 14619; Ms. Or. 1017) содержатся тахвиты (сир. ܬܚܘܒܝܬܐ *taḥwītā*, образец, демонстрация — название каждого из 23 сочинений, сохранившихся в этих рукописях), принадлежащие *Афраату*. Тахвиты с 1 по 22 представляют собой алфавитный акростих: каждая тахвита начинается с очередной буквы сирийского алфавита. Первые 10 тахвит, как свидетельствует сам автор, написаны в 336–337 гг., тахвиты 11–22 — в 343–344 гг., последняя — в 345 г. В данной работе будут рассмотрены фрагменты из 3 («О посте»), 6 («О сынах Завета»), 18 («О постах») и 23-й («О виноградной лозе») тахвит. Editio princeps тахвит Афраата подготовил выдающийся специалист в области сирийской литературы Уильям Райт (1830–1889). В 1894 и 1907 гг. бенедиктинец Ж. Паризо подготовил критическое издание тахвит, в котором сирийский текст издан с параллельным переводом на латынь¹³. Текст огласован.

Мы также изучили основные богословские творения прп. *Ефрема Сирина*, написанные в разных жанрах:

- 1) художественная проза — «Слово о Господе нашем» (*Sermo de Domino nostro*; *Biesen*. 2002. N 158);
- 2) стихотворная гомилия (мемпра) — «О вере» (*De fide*; *Biesen*. 2002. N 23);

¹³ *Aphraatis Sapientis Persae Demonstrationes* / Ed. J. Parisot. Parisiis, 1894–1907. (*Patrologia Syriaca*. Pars. 1. T. 1 [Demonst. 1–22] — 2 [23]).

3) гимны (мадраши) — «О Церкви» (De Ecclesia; *Biesen.* 2002. N 19); «О Распятии» (De Crucifixione; *Biesen.* 2002. N 21); «На Рождество Христово» (De Nativitate; *Biesen.* 2002. N 32); «Против ересей» (Contra haereses; *Biesen.* 2002. N 25); «О Нисибине, или о нисибинцах» (Carmina Nisibena; *Biesen.* 2002. N 34); «О рае» (De paradiso; *Biesen.* 2002. N 35) и «О девстве» (De virginitate; *Biesen.* 2002. N 39).

Поскольку «Римское издание» произведений прп. Ефрема Сирина, подготовленное в 1732–1746 гг. (см. раздел «Степень изученности проблемы»), характеризуется рядом весьма существенных недостатков, среди которых наличие в корпусе опубликованных текстов псевдоэпиграфов, в XIX в. предпринимались попытки подготовить новые издания творений «пророка сирийцев». Одно из таких изданий, также, впрочем содержащее и неаутентичные сочинения, было выполнено Т. Ж. Лами¹⁴. Указанные издания были заменены серией «Corpus scriptorum christianorum orientalium» (CSCO), которую мы и использовали при работе с творениями Ефрема.

В диссертации рассмотрены также поэтические произведения *Кириллоны*, известные в единственной рукописи VI в. (Lond. Brit. Mus. Add. 14591). Из пяти произведений нами были избраны два, представляющие наибольший интерес с точки зрения реконструкции христологического учения Кириллоны, представляющего собой соединение традиций сирийского богословия на рубеже IV и V вв.: мемры «Об установлении Евхаристии»¹⁵ и «О Пасхе Господа нашего»¹⁶.

Что касается догматических произведений основных представителей Антиохийской школы, то фрагменты из произведений *Феодора Мопсуестийского* и *Диодора Тарсийского* дошли до нас преимущественно в цитатах, приводимых его противниками: свт. Кириллом Александрийским, Тимофеем Элуром († 477), Севиром Антиохийским, Леонтием Византийским (VI в.), а также отцами V Вселенского Собора; число этих фрагментов незначительно. Одним из важных источников является составленный в V в. флорилегий «Богохульства Диодора, Феодора и нечестивого Нестория» (Brit. Lib. Add. 12156; манускрипт, переписанный в «монофиситской» среде, датируется VI в.); он содержит 33 небольших отрывка из сочинений Диодора Тарсийского. Ряд исследователей ставили под сомнение аутентичность этих фрагментов и полага-

¹⁴ *Lamy T. J., ed. Sancti Ephraem Syri Hymni et Sermones. Mechliniae, 1882–1902. 4 t.*

¹⁵ *Griffin C. Cyrillona: A Critical Study and Commentary: Dissertation. Washington, 2011. P. 356–370.*

¹⁶ *Ibid. P. 378–388.*

ли, что они не могут служить основанием для реконструкции учения Диодора и Феодора¹⁷. Однако в работе Ф. Салливана¹⁸ было убедительно доказано, что предположения о сознательной фальсификации не имеют под собой достаточных оснований. Как отмечает исследователь, отрывки из произведений Диодора Тарсийского восходят к т. н. общему флорилегию, составленному не позднее 438 г., когда их прямая фальсификация едва ли была возможна. Наконец, в пользу аутентичности свидетельствует тот факт, что христологическое учение, которое содержится в этих фрагментах, вполне соответствует составленным в IV в. описаниям богословия Диодора. В частности, используемые им термины не были исправлены ради совпадения с более поздними формулами Антиохийской школы, а сама христология Тарсийского епископа имеет черты, отличающие ее от учения Феодора. Нами изучены фрагменты, сохранившиеся как на языке оригинала (греческом), так и в сирийских и латинских переводах. Кроме того, мы рассмотрели и достаточно объемное сочинение Феодора Мопсуестийского, дошедшее до нас в сирийском переводе, — «Тайноводственные поучения»¹⁹.

Новый толчок к исследованию богословия *Нестория* дала находка американскими миссионерами в 1889 г. в селении Кудшаныс в Курдистане рукописи с сирийским переводом апологии этого богослова, составленной на греческом языке, над которой он работал, находясь в изгнании после осуждения. Уникальная рукопись, датируемая 1110 г., погибла во время Первой мировой войны, но «Трактат Гераклида Дамасского» успел стать достоянием научной общественности. В 1910 г. его сирийский текст издал лазарист Поль Беджан (1838–1920)²⁰, а аббат Франсуа-Николя Но (1864–1931) опубликовал его французский перевод²¹. Что касается названия («Трактат Гераклида Дамасского», ܡܫܘܥܝܬܐ ܕܗܪܐܩܠܝܕܐ ܕܡܘܦܫܘܥܝܬܐ ܕܩܘܕܫܐ), то в данном

¹⁷ *Richard M.* La Tradition des fragments du traité «Περὶ τῆς ἐνανθρωπήσεως» de Théodore de Mopsueste // *Le Muséon*. 1943. Vol. 56. P. 55–75; *Devreesse R.* Essai sur Théodore de Mopsueste. Città del Vaticano, 1948. (Studi e testi; 141).

¹⁸ *Sullivan F. A.* The Christology of Theodore of Mopsuestia. Roma, 1956. P. 35–158, 172–181.

¹⁹ CPG, N 3852; изд.: *Commentary of Theodore of Mopsuestia on the Nicene Creed* / Ed., transl. A. Mingana. Cambridge, 1932. (Woodbrook Studies; 5); *Commentary of Theodore of Mopsuestia on the Lord's Prayer and on the Sacraments of Baptism and the Eucharist* / Ed., transl. A. Mingana. Cambridge, 1933. (Woodbrook Studies; 6)).

²⁰ *Nestorius.* Le Livre d'Heraclide de Damas / Éd. P. Bedjan. Paris; Leipzig, 1910.

²¹ *Idem.* Le Livre d'Heraclide de Damas / Trad. F. Nau. Paris, 1910.

случае сирийское слово ܩܪܝܬܐ ܩܪܝܬܐ соответствует греческому *πραγματεία* в значении «трактат», а не «торговля». В английском переводе (1925) произведение, однако, озаглавлено «The Bazaar of Heracleides». Существует разные традиции перевода слова ܩܪܝܬܐ ܩܪܝܬܐ, в т. ч. традиция называть произведение Нестория «Книгой Гераклида Дамасского», однако слово «трактат», совмещающее значения «сочинение» и «договор», представляется нам наиболее корректным переводом понятия *πραγματεία*. Вероятно, позже она была надписана сторонниками опального Константинопольского архиепископа, желавшими уберечь трактат от уничтожения, именем некоего Гераклида Дамасского, исторической личностью не являвшегося. Исследование «Трактата» дает нам уникальную возможность ознакомиться с подлинной богословской позицией Нестория, не искаженной настроенными против него полемистами.

Хотя в соответствии с традицией, *Нарсай* считается автором около 300 мемр и других произведений, при рассмотрении базовых положений его христологии мы сосредоточились на тексте мемры «На Рождество Господа нашего от Святой Девы», включающей 511 строф и составленной, по всей видимости, в период между сер. 50-х и кон. 60-х гг. V в.²² Изучение же «Слова о Божестве, человечестве и Лице единения» («Книги о единении»), которая является *opus magnum Баввая Великого*, позволит установить положения синтеза ранней сирийской богословской традиции и несторианской христологии двух ипостасей²³.

Что касается иных богословских, апологетических и гомилетических источников, привлекаемых в работе для дополнительной иллюстрации рассматриваемых в ней сюжетов, то необходимая информация со ссылкой на издания приводится нами по ходу текста диссертации.

VI. Эпистографические источники интересуют нас главным образом с точки зрения их догматического содержания. Так, изучение «Второго послания к Несторию» свт. Кирилла Александрийского, важного памятника полемики между двумя богословами, позволит критически рассмотреть мнение ряда исследователей, соглас-

²² *Narsai. A Homily on our Lord's Birth from the Holy Virgin // Idem. Metrical Homilies on the Nativity, Epiphany, Passion, Resurrection and Ascension / [Ed.] F. Graffin, transl. F. G. McLeod; Turnhout, 1979. P. 36–69. (Patrologia orientalis; 40).*

²³ *Babai Magni Liber de unione / Ed., trad. A. Vaschalde. Parisiis, 1915. 2 vol. (CSCO; 79–80. Syr.; 61–62).*

но которому между Кириллом и Несторием существовали лишь незначительные разногласия.

VII. Историко-хронографические:

Изучение христологии Церкви Востока и того исторического контекста, в котором она развивалась и постепенно обособлялась от «имперского» христианства, невозможно без анализа хроник и церковных историй, причем не только традиционно рассматриваемых в литературе по общей истории Церкви греческих («Церковные истории» Евсевия Кесарийского, Евагрия Схоластика и др.), но и сирийских («Арбельская хроника» Мшихазхи, 550–569 гг.; Эдесская хроника, кон. VI в.; Хроника Михаила Сирийца, XII в.; «История» Григория бар Эвройо, XIII в. и т. д.), а также арабских (Хроника Сеерта) текстов. Более того, для реконструкции биографий авторов IV–VII вв., принадлежавших к Церкви Востока или живших на территории Восточной Римской империи, именно сирийские источники являются основными.

Сюда же можно отнести и следующую группу источников —

VIII. Агиографические и биографические.

IX. Нравственно-аскетические:

Фундаментально важный источник — сирийский текст первых двух «томов» прп. Исаака — будет рассмотрен на предмет пересечения в нем различных линий христологического развития, сосуществовавших в Церкви Востока. При этом мы приняли решение отказаться от детального анализа первых двух «томов», а также недавно изданного 3-го, поскольку это потребует изучения отдельного круга проблем, в т. ч. связанных с аутентичностью «3-го тома».

X. Канонические и юридические:

Для реконструкции вероучительного развития на территории Византийской империи мы рассмотрели акты III, IV и V Вселенских Соборов²⁴, уделяя особое внимание принятым на них постановлениям, которые сопоставлялись с определениями Соборов Церкви Востока кон. V — нач. VII в.²⁵ Кроме того, эдикты Юстиниана на богословские темы (равно как и фрагмент исповедания веры в составе «Кодекса»

²⁴ Acta Conciliorum Oecumenicorum / Ed. E. Schwartz, contin. J. Straub. Strassburg; Berolini; Lipsiae, 1914–1974. 4 t. (15 pt.).

²⁵ Synodicon Orientale ou recueil de synodes nestoriens / Éd., trad. J. B. Chabot. Paris, 1902.

императора)²⁶ содержат много информации о развитии в империи неохалкидонского богословия, а деяния восточносирийских Соборов содержат множество примеров полемики с этим богословием. В рамках диссертации впервые осуществлен детальный сравнительный анализ византийских и восточносирийских соборных актов эпохи христологических споров.

Сирийские, греческие и латинские источники за исключением редких и специально оговоренных случаев цитируются в тексте диссертации в нашем переводе.

Степень изученности проблемы. Отсчет научного рассмотрения сирийской традиции западными исследователями следует начинать с XVIII в. Прежде всего следует отметить публикаторскую деятельность представителей известной маронитской семьи Ассемани, которая дала миру выдающихся ученых-востоковедов и богословов²⁷. В XIX в. стали появляться первые исследования христологии и экзегезы Антиохийской школы. Особенно следует отметить классическое исследование Отто Фридолина Фрицше (1812–1896), посвященное Феодору Мопсуестийскому²⁸, а также труды двух отечественных ученых, не уступавшие работам западных авторов: монографию Петра Викторовича Гурьева (1863–1943)²⁹ и «Лекции по церковной истории» Василия Васильевича Болотова (1853–1900)³⁰. Историки вероучения, изучавшие богословие Антиохийской школы в 1-й пол. XX в.³¹, во многом опирались на построения представителя либерально-протестантской школы Адольфа фон

²⁶ Эдикт «Исповедание правой веры» (Confessio rectae fidei; CPG, N 6885; изд.: Edikt über den rechten Glauben // *Schwartz E. Drei dogmatische Schriften Iustinians. München, 1939. S. 72–111*); фрагмент исповедания веры в «Кодексе Юстиниана» (Codex Iustinianus. I 1. 5. 1–2; изд.: *Corpus iuris civilis. Rec. P. Krueger. Berolini, 1906. Vol. 2*).

²⁷ *Assemani J. S. Bibliotheca Orientalis Clementino-Vaticana in qua manuscriptos codices surianos recesint. Romae, 1719–1728. T. 1–3; S. Patris nostri Ephraem Syri Opera omnia qua exstant Graece, Syriace, Latine / Ed. J. S. Assemani. Romae, 1732–1746.*

²⁸ *Fritzsche O. F. De Theodori Mopsuesteni vita et scriptis Commentatio historica theologica. Halae, 1836.*

²⁹ *Гурьев П. В. Феодор, епископ Мопсуестский. М., 1890.*

³⁰ *Болотов В. В. Лекции по истории Древней Церкви. Пг., 1918. Т. 4: История Церкви в период Вселенских Соборов; [Ч.] 3: История богословской мысли. С. 148–156.*

³¹ См., напр.: *Raven G. Apollinarism. Cambridge, 1923; Patterson L. Theodore of Mopsuestia and Modern Thought. London, 1926.*

Гарнака (1851–1930)³², который в свою очередь развивал идеи, сформулированные за полвека до этого Исааком Августом Дорнером (1809–1884), занимавшим промежуточное положение между протестантскими ортодоксами и либерально-протестантской школой. И Дорнер и Гарнак, указывали на христологический дуализм, присущий Феодору Мопсуестийскому. При этом в ряде работ, авторы которых в целом следовали схеме Дорнера—Гарнака, признавалось, что, несмотря на тяготение Феодора к христологическому дуализму, епископ Мопсуестийский подчеркивал единство Лица во Христе, «хотя и делал это нередко посредством двусмысленных и неудовлетворительных выражений»³³. Попытка доказать «православие» Феодора была сделана Эмилем Аманном (1880–1948), согласно которому ряд высказываний епископа Мопсуестийского близки к признанию православного учения о «взаимообщении свойств» (*communicatio idiomatum*) двух природ во Христе³⁴, что было оспорено Мартеном Жюжи (1878–1954)³⁵ и Вильгельмом де Врисом (1904–1997)³⁶, защищавшими традиционный взгляд.

Кроме того, во многом благодаря А. фон Гарнаку многие исследователи обратили внимание на связь между христологическим учением Феодора и его богословской антропологией. Рассмотрение антиохийского и александрийского богословия сквозь призму антропологии было характерно и для отечественных исследователей. Один из наиболее известных православных патрологов протоиерей Георгий Флоровский (1893–1979) весьма удачно противопоставил крайние формы александрийского (аполлинаризм и «монофиситство») и антиохийского («феодорианство» и «несторианство») богословия как антропологический минимализм и антропологический максимализм. Что касается богословия Нестория, то в книге Г. Флоровского содержится вполне традиционный взгляд на него как на ересь³⁷. Традиционная точка зрения³⁸,

³² *Harnack A.* Lehrbuch der Dogmengeschichte. Freiburg, 1886–1890. 1–3 Bd.

³³ *Patterson.* Theodore of Mopsuestia... P. 39.

³⁴ *Amann E.* Théodore de Mopsueste // Dictionnaire de théologie catholique. Paris, 1946. T. 15. N 1. P. 245–248.

³⁵ *Jugie M.* Theologia dogmatica christianorum orientalium ab Ecclesia Catholica dissidentium. Paris, 1935. T. 5. P. 90–110.

³⁶ *Vries W., de.* Der «Nestorianismus» Theodors von Mopsuestia in seiner Sakramentenlehre // *Orientalia Christiana Periodica.* Roma, 1941. Vol. 7. P. 91–148.

³⁷ *Флоровский Г. В., прот.* Византийские отцы V–VIII вв. Париж, 1933. С. 5–14. Ср. более умеренный взгляд: *Карташёв А. В.* Вселенские Соборы. Париж, 1963¹. Клион, 2002ⁿ.

однако, неоднократно подвергалась сомнению в XX в. исследователями, которые стремились оправдать Нестория от обвинений в «несторианстве» в том виде, как оно было осуждено Эфесским Вселенским Собором (Д. Ф. Бетюн-Бейкер³⁹, М. Анастос⁴⁰, Л. Шипиони⁴¹, А. де Аллэ⁴²).

Возникает, однако, вопрос, в какой степени выводы исследователей, придерживающихся «апологетической» по отношению к Несторию точки зрения, вытекают из содержания источников, прежде всего, из текста несомненно аутентичной части «Трактата Гераклида». Т. о., проблема христологии «Трактата Гераклида» по-прежнему остается актуальной⁴³. Кроме того, вплоть до наших дней в историографии отсутствует убедительный ответы на вопросы об истоках богословия Антиохийской школы, эволюции ее христологических формул, а также о различиях между богословием Диодора Тарсийского и Феодора Мопсуестийского. Последняя проблема, являвшаяся предметом дискуссии между кардиналом Алоизием Грилльмайером (1910–1998), с одной стороны⁴⁴, и Ф. Салливаном и Р. Гриром — с другой⁴⁵. В диссертационном исследовании мы, поставив под сомнение как предположение А. Грилльмайера, так и некоторые объяснительные модели, созданные его оппонен-

³⁸ См., напр.: *Bedjan P. Préface // Nestorius. Le livre d'Heraclide de Damas / Éd. P. Bedjan. Paris, 1910. P. III–XL; Jugie M. Nestorius et la controverse nestorienne. Paris, 1912.*

³⁹ *Bethune-Baker J. F. Nestorius and His Teaching, a Fresh Examination and Evidence, With Special Reference to the Newly Recovered Apology of Nestorius (The Bazaar of Heraclides). Cambridge, 1908.*

⁴⁰ *Anastos M. V. Nestorius Was Orthodox // DOP. 1962. Vol. 16. P. 117–140.*

⁴¹ *Scipioni L. I. Ricerche sulla Cristologia del «Libro di Eraclide» di Nestorio: la formulazione teologica e il suo contesto filosofico. Fribourg, 1956; Idem. Nestorio e il concilio di Efeso: Storia dogma critica. Milan, 1974.*

⁴² *Halleux A., de. Nestorius: History and Doctrine // Syriac Dialogue 1: First Non-Official Consultation on Dialogue within the Syriac Tradition. Vienna, 1994. P. 200–215.*

⁴³ См., напр.: *Χριστινάκη-Γλάρου Ε. Π. Το βιβλίο του Ηρακλείδη και η καταδίκη του Νεστορίου. Αθήνα, 2009.*

⁴⁴ *Grillmeier A. Jesus der Christus im Glauben der Kirche. 1991². Bd. 1: Von der Apostolischen Zeit bis zum Konzil von Chalcedon (451). S. 614–634.*

⁴⁵ *Greer R. A. The Antiochene Christology of Diodore of Tarsus // Journal of Theological Studies. Oxford, 1966. Vol. 17. P. 327–341; Sullivan . The Christology... P. 169–196.*

тами, предпримем попытку дать собственную интерпретацию христологии Диодора и ее влиянию на учение Феодора⁴⁶.

Важное значение для настоящего исследования имеют работы, которые, хотя и не были непосредственно посвящены конфессиональному разделению сирийского христианства, позволяют вписать данную тему в более широкий контекст. Речь прежде всего идет о трудах крупнейшего советского сиролога Нины Викторовны Пигулевской (1894–1970)⁴⁷. В контексте ряда сюжетов, рассматриваемых в диссертационном исследовании, для нас важны работы Елены Никитичны Мещерской⁴⁸, ученицы Н. В. Пигулевской, а также других современных российских востоковедов: Алия Ивановича Колесникова⁴⁹ и Дмитрия Евгеньевича Мишина⁵⁰. Кроме того, следует отметить общие работы по истории Византии, в которых христологические споры рассматривались как отдельный, хотя важный сюжет в истории империи⁵¹. Изучение истории христологических споров V–VI вв. осложняется тем, что на конфессиональное самоопределение и организационное оформление основных Церквей сирийской традиции значительно повлиял не только собственно вероучительный, но и политический фактор. История отношений византийских императоров (прежде всего, Юстиниана I) и монофиситов изучена достаточно полно⁵². Из современных

⁴⁶ Библиография работ о Феодоре и Диодоре: *Behr J. The Case Against Diodore and Theodore: Texts and their Contexts*. Oxford, 2011. P. 504–517. (Oxford Early Christian Texts).

⁴⁷ *Пигулевская Н. В. Культура сирийцев в Средние века*. М., 1979; *Она же. Сирийская средневековая историография: исследования и переводы* / Сост.: Е. Н. Мещерская. СПб., 2011².

⁴⁸ См., напр.: *Мещерская Е. Н. Легенда об Авгаре — раннесирийский литературный памятник*. М., 1984.

⁴⁹ Особый интерес для нас представляют статьи просопографического характера, см., напр.: *Колесников А. И. Ишоая I* // *Православная энциклопедия*. М., 2012. Т. 28. С. 653; *Он же. Йездин* // Там же. С. 684–685.

⁵⁰ *Мишин Д. Е. Хосров I Ануширван (531–579), его эпоха и его жизнеописание и поучение в истории Мискавейха*. М., 2014.

⁵¹ *Острогорский Г. А. История Византийского государства* / Пер. с нем.: М. В. Грацианский; ред.: П. В. Кузенков. М., 2011. С. 91–111, 122–123 (перевод нем. издания (Münch., 1963³)).

⁵² *Haacke R. Die kaiserliche Politik in den Auseinandersetzungen um Chalkedon (451–553)* // *Das Konzil von Chalkedon*. 1953. Bd 2. S. 95–177; *Frend W. The Rise of the Monophysite Movement: Chapters in the History of the Church in the 5th and 6th Centuries*. London, 1972; *Meier M. Das andere Zeitalter Justinians: Kontingenzerfahrung und Kontingenzbewältigung im 6. Jahrhundert nach Christus*. Göttingen, 2003.

исследований особенно следует отметить работы Михаила Вячеславовича Грацианского⁵³, в которых на основе греческих, латинских и — что особенно важно для нас — ориентальных (сирийских и арабских) источников уточнены базовые принципы политики Юстиниана в отношении «монофиситов».

Наконец, с изучаемой нами темой связана еще одна фундаментальная проблема. Как известно, до сих пор остается дискуссионным вопрос о том, какой характер носила христология Церкви Востока в период христологических споров. Долгое время в научной литературе господствовало мнение, что процесс несторианизации Церкви Востока начался уже в V в.⁵⁴ Для многих современных исследователей, в т. ч. для Николая Николаевича Селезнева, «несторианизация» — процесс, начавшийся достаточно поздно: при Баввае Великом, а не при Нарсае⁵⁵. Еще одна группа исследователей во главе с Себастианом Полом Брокком стремится полностью дистанцировать магистральное направление вероучительного развития Церкви Востока от богословской системы Нестория⁵⁶. Со схемой Брока в определенном смысле была связана точка зрения иеромонаха (ныне — митрополита) Илариона (Алфеева), который при решении проблемы вероучительной позиции Исаака Сирина настаивал на отсутствии в его произведениях чего-либо эксплицитно «несторианского»⁵⁷. Возникает, однако, вопрос, в какой степени схема Брока адекватно описывает богословские системы иных восточносирийских авторов. Этот вопрос — один из основных в рамках диссертации.

⁵³ *Grazianskyj M.* Die Politik Kaiser Justinians I. gegenüber den Monophysiten: Diss. Jena, 2005; *Он же (Грацианский М. В.)*. Св. император Юстиниан и спор о Трех Главах (540–553) // Вестник ПСТГУ. Серия I: «Богословие. Философия». М., 2007. Вып. 17. С. 5–26.

⁵⁴ См., напр.: *Vries W., de.* Die syrisch-nestorianische Haltung zu Chalkedon // *Grillmeier A., Bacht H.* Das Konzil von Chalkedon: Geschichte und Gegenwart. Würzburg, 1951. Bd. 1. S. 603–635.

⁵⁵ *Селезнев Н. Н.* Христология Ассирийской Церкви Востока: Анализ основных материалов в контексте истории формирования вероучения. М., 2002. С. 58–66, 74–87.

⁵⁶ *Brock S.* The Christology of the Church of the East in the Synods of the 5th to Early 7th Centuries: Preliminary Considerations and Materials // *Idem.* Studies in Syriac Christianity: History, Literature and Theology. Aldershot; Brookfield, 1992. N 12. P. 131–132. (Variorum Collected Studies; 357); *Он же (Брок С.)*. Христология Церкви Востока / Пер.: А. В. Муравьев // Вестник древней истории. М., 1995. Вып. 2 (213). С. 39–53.

⁵⁷ Обзор лит-ры по данному вопросу: *Иларион (Алфеев), митр.* Духовный мир прп. Исаака Сирина. М., 2008⁴. С. 70–78; общая оценка восточносирийской христологии: Там же. С. 20–31.

Научная новизна исследования заключается в том, что оно представляет собой первую в историографии попытку проанализировать историю рецепции Церковью Востока антиохийской христологии в формативный период (IV–VII вв.) и эпоху, непосредственно примыкающую к нему (VIII в), предложить периодизацию этого процесса, основанную на всем комплексе важнейших вероучительных документов, и провести сравнительный анализ сирийской богословской традиции IV в. и доктрины Церкви Востока после усвоения систем богословов Антиохийской школы, т. н. греческих учителей: Диодора Тарсийского, Феодора Мопсуестийского и Нестория.

Во-первых, в истории усвоения Церковью Востока мы выделили два периода (соответственно V — 1-я пол. VI в. и сер. VI — нач. VII в.), причем с несторианизацией может быть отождествлен лишь второй период. Этот вывод позволил нам пересмотреть ряд принятых в литературе оценок этого процесса, в т. ч. представление о том, что Церковь Востока никогда не была несторианской. Во-вторых, проведя сравнительный анализ ранней сирийской богословской традиции и учения Восточносирийской Церкви после рецепции ею антиохийской христологии, мы пришли к выводу, что ранние сирийские авторы, учившие о двух природах Христа, 1) признавали взаимообщение свойств этих природ, 2) рассматривали в качестве единого Субъекта всех христологических предикатов предвечного Сына Божьего, Логоса, и 3) фактически признавали Деву Марию Богородицей. Что же касается сирийских богословов, которые усвоили доктрину «греческих учителей», то они иначе смотрели на способ соединения двух природ и отрицали все указанные выше положения христологического учения. Наконец, мы впервые сопоставили основные факты вероучительного развития Церкви Персии с конкретными мерами, предпринимавшимися византийскими императорами в сфере церковной политики, и установили наличие между ними причинно-следственной связи.

Теоретическая значимость. Выводы, сформулированные в диссертации, позволяют значительно пересмотреть имеющиеся у исследователей представления о процессе конфессионального обособления Церкви Востока, а также решить вопрос о корректности использования по отношению к ней термина «несторианская». Примененные в работе исследовательские подходы могут служить основой для развития методологии сравнительного анализа доктринальных текстов, созданных в рамках византийской и восточносирийской христианских традиций.

Практическая значимость. Материалы диссертационного исследования могут быть использованы при разработке учебных курсов по общей истории Церкви, а также спецкурсов по истории византийского богословия, истории христологических споров и сириологии. Кроме того, возможно привлечение материалов диссертации при подготовке сравнительных исследований византийского богословия и сирийской христианской традиции.

Апробация диссертации. Основные положения диссертации были представлены в виде докладов на конференциях и в научных школах:

1. Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов» (Москва, 11–15 апреля 2011, 9–13 апреля 2012, 8–12 апреля 2013, 7–11 апреля 2014, 13–17 апреля 2015).

2. XXV и XXVI Ежегодные богословские конференции Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва, 20.01.2014; 20.01.2015).

3. Школа молодых византинистов NEANIAI (НИУ ВШЭ, 8–10.10.2015).

4. XXI Всероссийская научная сессия византинистов (Белгород, 20–23.04.2016).

Диссертация обсуждена на заседании кафедры истории Церкви исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова и рекомендована к защите.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, а также приложения.

Во **введении** раскрывается актуальность темы и ее новизна, дается общая характеристика предмета и объекта исследования, устанавливаются хронологические рамки, определяются цель и задачи работы, степень изученности проблемы, описываются источники, используемые в работе, и методологическая база диссертации.

Глава 1 «История сирийской традиции до усвоения систем «греческих учителей» состоит из четырех разделов и включает характеристику основных положений ранней сирийской христологии (IV — нач. V в.), представленной в произведениях Афраата, прп. Ефрема Сирина и Кириллоны, причем развитие их христологического учения вписано в широкий исторический контекст.

В **разделе 1.1 «Эдесса как один из центров сирийского христианства»** рассмотрена история двух арамейских царств, ставших центрами распространения христианства среди западных и восточных сирийцев: Осроены и Адиабены (Хедаява),

которые возникли на стыке Римской и Парфянской империй при распаде государства Селевкидов (40–20-е гг. II в. до н. э.). На основании детального анализа сирийских, греческих и латинских источников исследуется процесс христианизации Осроены, которая в правление царя Авгаря VIII бар Ману (177–212 гг. н. э.) стала первым в мире государством, принявшим новую религию. Особое внимание уделено истории формирования устойчивых преданий о проповеди христианства в Осроене — легенд о правителе Эдессы Авгаре V бар Ману Уккаме (4 г. до н. э. — 7 г. н. э., 13–50 гг. н. э.), якобы состоявшем в переписке со Христом, а также о проповеди в городе апостола Аддая, отождествляемого в некоторых источниках с апостолом Фаддеем. Изложение доведено до 1-й пол. III в., когда Адиабена и Осроена вошли в состав соответственно сасанидского Ирана и Римской империи. Указывается на то, что политическое разделение христиан сирийской традиции спустя несколько веков оказало значительное влияние на формирование нескольких конфессиональных общностей, в т. ч. восточных сирийцев-«несториан» и западных сирийцев-«монофиситов».

Раздел 1.2 «Учение Аффраата (ок. 260 или 275 — после 345)» содержит информацию о жизни Аффраата и детальную реконструкцию его архаичной христологии на основе тахвит Аффраата.

В подразделе 1.2.1 «Сведения о «Персидском мудреце» на основе сопоставления сирийских, греческих и латинских источников отвергнуто отождествление богослова IV в. Аффраата с неким Иаковом, принятое в древней традиции и происходящее, по всей видимости, от смешения Аффраата со свт. Иаковом, епископом Нисибинским († 337), а также его отождествление с анахоретом Аффраатом, который упоминается Феодоритом Кирским в сочинении «История боголюбцев».

В подразделе 1.2.2 «Христология в тахвитах Аффраата» констатируется тот факт, что именно Аффраат сформулировал основные положения ранней сирийской христологии, развивавшейся и дополнявшейся прп. Ефремом Сириным и Кириллоной, но не менявшейся ими принципиально: учение о «взаимообщении свойств» (*communicatio idiomatum*) Божественной и человеческой природ во Христе, признание центром единства этих природ предвечного Сына Божьего, а также исповедание Богоматеринства Девы Марии. Особое внимание уделено сирийскому богословскому термину «природа» и его значению у Аффраата. На основе анализа текста тахвит подтверждена точка зрения ряда исследователей, согласно которой данный термин означает у «Персидского мудреца» скорее «способ существования» Божества и чело-

вечества Христа. При этом доказывается, что в ряде случаев Афраат вплотную подходит к тому, чтобы сформулировать учение о двух природах. Мариология (богословское учение о Деве Марии) Афраата помещена в контекст истории развития вероучения II–IV вв.

Раздел 1.3 «Сирийская традиция в Римской империи: прп. Ефрем Сирийский (ок. 306–373)» посвящен анализу содержательной части христологического учения Ефрема, а также его богословской терминологии.

Подраздел 1.3.1 «Биографические сведения о «пророке сирийцев» предваряет анализ христологии Ефрема Сирина. После краткого рассмотрения источников, в которых содержатся сведения о жизни святого, и констатации недостоверного характера части этих сведений, происходящих в т. ч. из поздних источников, нами очерчена хронология деятельности Ефрема. При этом особое внимание уделено его переселению из Нисибина в Эдессу в 60-х гг. IV в., после которого она стала центром сирийской учености.

В подразделе 1.3.2 «Основные богословские термины» исследованы семантика и особенности употребления Ефремом таких богословских понятий, как «сущность», «существование / бытие», «природа», «ипостась», «лицо».

Подраздел 1.3.3 «Учение о двух природах и взаимообращение свойств (*communicatio idiomatum*)». В этом подразделе анализируется содержательная сторона христологии прп. Ефрема Сирина, а также прослеживается ее историческая преемственность с учением Афраата. Так, идея Ефрема о «втором рождении» Второго лица Троицы — предвечного Сына, рожденного от Бога Отца по Божеству и от Девы Марии по человечеству, — представляет собой развитие идеи Афраата о единстве Субъекта двух состояний. Учение же о двух природах эксплицитно было сформулировано именно Ефремом.

В разделе 1.4 «Кириллона: соединение традиций на рубеже IV и V вв.» богословские идеи, содержащиеся в пяти поэмах, две из которых надписаны не известными исследователям именами (Курлоха и Куриллоха), представлены как итог развития ранней сирийской христологической доктрины. Обнаружены параллели между учением рассматриваемого автора, с одной стороны, и христологией Афраата и Ефрема Сирина — с другой.

В подразделе 1.4.1 «К вопросу о личности Кириллоны» подтверждается, что попытки ряда исследователей отождествить Кириллону с уже известными исторически-

ми личностями (со священником Авсамьей, который был племянником Ефрема Сирина, или с Кийоре (Киром), о котором, как о непосредственном предшественнике Нарсая на посту главы Эдесской школы, упоминается в восточносирийских источниках) не имеют под собой достаточных оснований.

Подраздел 1.4.2 «Двойство природ» содержит анализ традиционных поэтических образов, использовавшихся Кириллоной для описания соединения Божественной и человеческой природ во Христе. Различая две природы, Кириллона, как и его предшественники, избежал и разделения природ и их слияния в одну. Отдельные выражения, встречающиеся у него, могут показаться близкими к «монофиситству», однако такая трактовка была бы актуальна для VI, а не для IV в., когда были написаны поэмы.

Глава 2 «Антиохийская христология и ее истоки: IV — середина V века» посвящена эволюции богословия Антиохийской школы как на содержательном, так и на формальном уровне (в частности, показано развитие христологических формул от Диодора Тарсийского до Нестория).

В рамках *раздела 2.1 «Христология Диодора Тарсийского († до 394) и Феодора Мопсуестийского († 428)»* предпринят ответ на вопрос о преемстве между христологическими системами учителя и ученика, причем их системы помещены в контекст тринитарных (триадологических) и христологических споров. Критически рассмотрено предположение А. Гриллямайера, согласно которому системы «антиохийцев» Диодора и Феодора, отличавшиеся четким различием во Христе Божественной и человеческой природ, тем не менее принадлежали к разным христологическим моделям: к схемам «Логос—плоть» (характерна главным образом для Александрийской школы) и «Логос—человек» соответственно. *Подраздел 2.1.1 «Богословие Диодора: христология Воплощения или Вочеловечения?»* посвящен сопоставлению теории А. Гриллямайера с данными источников — сохранившихся вероучительных фрагментов из произведений Диодора. Признается частичная правота исследователя, поскольку Диодор писал о том, что Христос есть единство Логоса (Божественного Слова) и плоти. Это сближает учение епископа Тарсийского со схемой «Логос—плоть». Однако содержательный анализ источников показывает, что под «плотью» он понимал полноту человеческой природы во Христе, включавшую не только тело, но и душу (схема «Логос—человек»). Однако Диодор действительно не писал о человеческой душе Христа эксплицитно; причины этого исследуются в *подразделе 2.1.2 «Истоки*

антиохийской христологии и тринитарные споры IV в.», в котором констатируется, что данный вопрос не был актуален в эпоху арианских споров⁵⁸.

В подразделе 2.1.3 «Христологические формулы Диодора и Феодора» исследуется формальное отличие христологии Диодора (формула «две природы — единое поклонение») от системы Феодора, исповедовавшего две природы, две ипостаси и одно лицо во Христе, причем устанавливается, что для епископа Мопсуестийского Божественная ипостась (в отличие от человеческой) являлась самобытной, то есть имела свое лицо⁵⁹. Особенно важно, что христологическая формула Феодора реконструируется в таком виде впервые в историографии.

В разделе 2.2 «Двухсубъектная христология Нестория († ок. 451)» определен главный критерий несторианства в строгом смысле слова: признание обеих ипостасей Христа самобытными. Наконец, раздел 2.3 «Экзегетика Антиохийской и Месопотамских школ: краткий экскурс» предпринята попытка изучения одного из основных факторов, повлиявших на усвоение антиохийского богословия Церковью Востока, — перевода толкований Феодора Мопсуестийского с греческого языка на сирийский. Особое внимание уделено важным частям экзегетики сирийской традиции, сопоставляемой с традицией греческой: пониманию образа Божьего в человеке (подраздел 2.3.2 «Сотворим человека по образу Нашему (Быт 1.26)») и типологической экзегетике, в рамках которой события и лица Ветхого Завета рассматривались в качестве прообразов (типов) новозаветных событий и лиц. Показано отличие типологии от аллегории, соотношение типологического толкования с буквальным, а также бли-

⁵⁸ Арианство — условный термин, используемый для обозначения различных богословских течений IV в., которые традиционно связывались с именем александрийского пресвитера Ария († 336), осужденного на I Вселенском Соборе. Насколько можно судить на основе отрывочных источников, Арий учил о том, что Сын Божий, Логос, обладает тварной природой и не равен (не единосущен) Богу Отцу. При этом Логос, будучи высшим творением и тем инструментом, посредством Которого создан мир, может считаться Богом «второго уровня».

⁵⁹ Соотношение между терминами «природа», «ипостась» и «лицо», употребление которых в триадологическом и христологическом контекстах нередко значительно отличается у разных авторов, схематично (и несколько упрощенно) может быть показано следующим образом: «природа» — общая категория, «ипостась» — ее конкретное проявление, «лицо» — совокупность отличительных свойств ипостаси одной природы, отличающих ее от других ипостасей той же природы (фактически ипостась «минус» природа).

зость типологии сирийских экзегетов к антиохийскому способу прочтения Библии, не исключавшая, впрочем, определенных отличительных особенностей.

Глава 3 «Окончательное конфессиональное разделение сирийского христианства: середина V–VIII век» излагает историю рецепции Церковью Востока антиохийской христологии. Процесс этой рецепции разделен нами на два этапа: усвоение христологических систем Феодора Мопсуестийского, а затем самого Нестория. Оба этапа связываются с масштабными теологическими синтезами ранней сирийской традиции и учения соответствующего автора — синтезами, осуществленными Нарсаем и Бавваем Великим соответственно.

В *разделе 3.1 «Первый синтез восточносирийской традиции и богословия Антиохийской школы: христология Нарсаия (ок. 399 — не ранее 502)»* реконструируется точная хронология жизни рассматриваемого автора (*подраздел 3.1.1 «Биографические сведения»*) и констатируется соответствие его учения «феодорианской», а не «несторианской» христологической модели (*подраздел 3.1.2 «Нарсаия как последователь Феодора Мопсуестийского»*).

Раздел 3.2 «Перенос «монофиситства» на сирийскую почву» последовательно излагает основные этапы церковной истории от Халкидонского Собора вплоть до деятельности Севира Антиохийского, Филоксена Маббугского и Иакова Саругского. Пунктирно намечены основы политики византийских императоров (особенно Льва I (457–474), Зинона (474–475, 476–491), Анастасия I (491–518), Юстина I (518–527) и его племянника Юстиниана I (527–565)) в отношении религиозных диссидентов. Детальный анализ этой политики содержится в разделе *3.3 «Византийские императоры и Церковь Востока»*. Здесь мы впервые установили соответствие между основными действиями императоров, главным образом Юстиниана, в сфере церковной политики и конфессиональным выбором восточных сирийцев в пользу «несторианства». В частности, богословские произведения Юстиниана, а также постановления V Вселенского Собора, созванного им, сопоставлены с актами Соборов Церкви Востока. Политический аспект конфессионального разделения сирийского христианства рассмотрен в рамках *раздела 3.4 «Персидские христиане в VI — 1-й пол. VII века: между «монофиситством» и «несторианством»*, в нем рассмотрены, в частности, военные конфликты между Византийской империей и сасанидским Ираном.

Раздел 3.5 «Второй синтез: учение и труды Баввая Великого (между 551 и 553 — между 628 и 630)» посвящен рецепции Церковью Востока христологической

формулы Нестория. После реконструкции исторического контекста деятельности Баввая (*подраздел 3.5.1 «Биографические сведения»*) мы провели анализ как положительного содержания христологии двух ипостасей, характерной для рассматриваемого автора, так и его полемики с неохалкидонским богословием императора Юстиниана (*подраздел 3.5.2 «Несторианство Баввая Великого»*). В данном подразделе констатируется, что окончательная несторианизация Церкви Востока имела места на Соборе 612 г., принявшем христологическую формулу «две ипостаси». Неоднозначность последующей истории вероучения Церкви Персии показана в *разделе 3.6 «Дальнейшая судьба восточносирийской христологии (некоторые общие замечания)»* на примере учения Исаака Сирина.

В **заключении** суммируются наблюдения над изученным материалом и делаются общие выводы в соответствии с целью и задачами исследования.

В **приложении** содержатся наши переводы на русский язык основных источников, большая часть этих переводов выполнена впервые. Приложение разделено на два блока: «Сирийские источники», «Греческие и латинские источники» (во втором блоке параллельно с переводом даны оригинальные тексты).

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ, ВЫНОСИМЫЕ НА ЗАЩИТУ

I. Важнейшим показателем исторического развития богословия Антиохийской школы в IV — 1-й пол. V в. является *эволюция христологических формул*, которая может быть представлена следующим образом:

1) *Диодор Тарсийский*: две природы (Божественная и человеческая) — единое поклонение, подобающее Христу.

2) *Феодор Мопсуестийский*: две природы — две ипостаси (самобытная ипостась Сына Божьего и несамобытная ипостась «воспринятого Человека», т. е. Иисуса) — Лицо единения (πρόσωπον τῆς ἐνώσεως) двух природ.

3) *Несторий*: две природы — две самобытные ипостаси — два природных лица — Лицо единения.

Впервые реконструированная христологическая формула Феодора показывает, что он вплотную подошел к той грани, за которой должно было следовать признание двух субъектов (индивидов) во Христе. Эту грань он, однако, не переступил, поскольку считал человеческую ипостась Господа, не имевшую своего «природного лица», не способной к самостоятельному существованию вне единства с Сыном Божьим. Т. о.,

мы можем выделить главный критерий отнесения той или иной богословской системы к двухсубъектной несторианской христологии — признание самобытного характера человеческой ипостаси во Христе.

II. Процесс рецепции Церковью Востока богословия Антиохийской школы может быть *разделен на два этапа*: 1) усвоение христологии Феодора Мопсуестийского (этот этап включает синтез ранней сирийской традиции и христологии Феодора, осуществленный Нарсаем в сер. V в., а затем официальное принятие Церковью Востока на Соборе 486 г. «феодорианского» исповедания веры); 2) рецепция учения Нестория о двух ипостасях во Христе (отправной точкой данного этапа стал перевод с греческого языка на сирийский произведения Нестория «Трактат Гераклида Дамаского» (2-я пол. 30-х гг. VI в.), а итогом — богословский синтез, осуществленный Бавваем Великим). Мы признаем, что Церковь Востока к определенному моменту *действительно усвоила несторианскую христологию*, однако произошло это достаточно поздно: несомненным свидетельством этого служит принятие христологического определения, содержащего формул «две ипостаси», *на Соборе 612 г.*

III. Именно *процесс рецепции восточными сирийцами антиохийского богословия*, начавшийся в V в., *послужил причиной разрыва в христологической традиции Церкви Востока*, т. е. принципиального расхождения между богословской традицией IV — нач. V в. (Афраат, прп. Ефрем Сирин, Кириллона) и последующими поколениями богословов (Нарсай, Баввай Великий).

IV. Религиозная политика императора Юстиниана способствовала усилению полемической реакции Церкви Востока на «имперскую» форму христианства, что в итоге *привело к конфессиональному выбору этой Церкви в пользу несторианства.*

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях (выделены статьи в изданиях, рецензируемых ВАК РФ):

1. Был ли Несторий православным? (По поводу статей М. Анастоса и А. де Аллэ) // Вестник ПСТГУ. Серия III: «Филология». М., 2013. Вып. 5(35). С. 30–40.

2. Кириллона // Православная энциклопедия. М., 2014. Т. 34. С. 713–716 (в соавторстве с Д. В. Зайцевым).

3. Христология Церкви Востока: основные направления развития в V — нач. VII в. // Вестник ПСТГУ. Серия III: «Филология». М., 2014. Вып. 5(40). С. 33–44.

4. Крещение: [Сирийская традиция и учение Феодора Мопсуестийского] // Православная энциклопедия. М., 2015. Т. 38. С. 636–638, 656–658.

5. Учение Диодора Тарсийского: Христология воплощения или вочеловечения? // Вестник ПСТГУ. Серия III: «Филология». М., 2015. Вып. 5(45). С. 38–46.

6. Церковь Востока и религиозная политика императора Юстиниана // Византийский временник. М., 2015. Вып. 74(99). С. 47–60.

7. Лонгин, епископ Нубии // Православная энциклопедия. М., 2016. Т. 41. С. 425–426.

8. Макарий II, патриарх Иерусалимский // Там же. 2016. Т. 42. С. 545–546.

9. Мар Аба I // Там же. 2016. Т. 43. С. 421–424.

10. Мар Аба II // Там же. С. 424–425.